

*Фрэнку и Труди Мэден
и собаке по кличке Кловер*

Глава 1

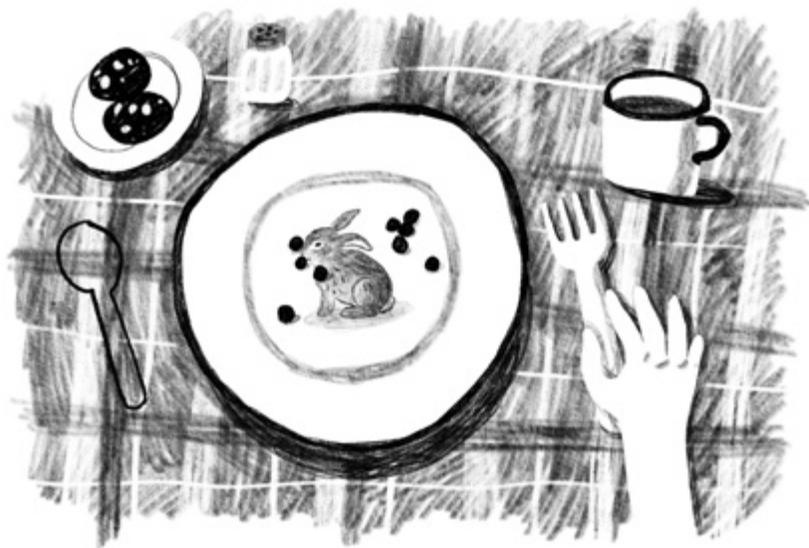
Первый раз Шайло появился в воскресенье, когда мы обедаем всей семьёй. Дара Линн макает хлеб в стакан с холодным чаем — такая у неё привычка, а Бекки сдвигает бобы на край тарелки, чтобы побыстрее с ними разделаться.

Мама строго посматривает на нас.

— Хоть бы раз в жизни еда с тарелки отправилась напрямиком в рот без всяких проволочек!

Говоря это, она смотрит на меня. Не то чтобы мне не нравится жареный кролик. Очень даже нравится. Только не хочется проглотить дробинку, вот я и разглядываю каждый кусок.

— Я тщательно перебрал этого кролика, Марти, ты не найдёшь в нём дроби, — говорит отец, намазывая хлеб маслом. — Я стрелял в шею.

Лучше бы он этого не говорил. Я отодвигаю кусок на край тарелки — в сторонку от сладкого картофеля, а потом возвращаю назад.

— Он сразу умер? — спрашиваю я, чувствуя, что кусок в горло не полезет, пока я не удостоверюсь, что так именно и было.

— Почти.

— Ты попал ему в голову? — встречает Дара Линн. Всё-то ей расскажи!

Отец медленно жуёт и не спешит с ответом.

— Не совсем, — говорит он, не отрываясь от еды.

Я выхожу из-за стола.

По воскресеньям мы обедаем в полдень. Как только набьёшь живот, можешь отправляться гулять хоть по всей Западной Вирджинии, покуда снова не проголодаешься. А в другие дни, если уходишь после обеда, будь добр вернуться до наступления темноты.

Я беру с собой винтовку двадцать второго калибра, отец подарил мне её в марте, когда мне исполнилось одиннадцать, и отправляюсь вверх по дороге. Посмотрим, удастся ли что-нибудь подстрелить. Вдруг замечу где яблоко на ветке — это неплохая мишень. А ещё можно расставить на перекладине забора консервные банки и потом палить по ним. Но по живой цели я не стреляю. И желания такого никогда не было.

Мы живём высоко на холмах над Френдли, хотя вряд ли вы знаете, где это. Френдли — это рядом с Систерсвиллом, на полпути между Уилингом и Паркерсбургом. Отец

рассказывал, что в прежние времена Систерсвилл был лучшим местом для житья во всём штате. Но по мне, самое лучшее место на свете — это наш маленький домишко в четыре комнаты, с трёх сторон окружённый холмами.

Я люблю бродить по холмам после полудня. Хотя спозаранку, конечно, лучше, особенно летом. Как-то раз за одно утро мне повстречались три разных зверя, это не считая котов, собак, лягушек, коров и лошадей, — сурок, олениха с двумя оленятами и серая лисица с рыжей головой. Не иначе отец у неё был серый, а мать — рыжая.

Обычно я перехожу на другой берег по шаткому мосту, сворачиваю к старой школе и иду потом вдоль берега. С одной стороны река, с другой — деревья. Да встречаются дома — один или пара.

На этот раз я дошёл до середины пути, как вдруг за-

приметил краем глаза: что-то движется. Смотрю — в пятнадцати ярдах от меня собака, шерсть гладкая, белая с коричневыми и чёрными пятнами. Идёт крадучись, опустив голову, и поглядывает на меня, хвост поджат, не скулит и, кажется, даже дышать боится. Бигль, ещё молодой — год или два, не больше.

Я останавливаюсь, и пёс тоже. Держится — будто набедокурил чего, но я-то вижу: ему явно хочется бежать рядом со мной.

— Иди-ка сюда, приятель, — говорю я, хлопая себя по бедру.

Пёс ложится на пузо и тихонько урчит в траву. Замечаю старый потёртый ошейник, пожалуй, он старше этого пса. Наверняка принадлежал раньше другой собаке.

— Иди ко мне, — подзываю я и протягиваю руку.

Пёс отскакивает. Но не издаёт ни звука, словно разучился лаять.

Надо же какой пугливый! У меня сердце сжимается от жалости. Видно, его обижали. Может, даже били.

— Всё хорошо, приятель, — говорю я, подходя ближе. Но пёс всё равно пятится.

Тогда я подхватываю ружьё и иду дальше вдоль реки. Но сам то и дело оглядываюсь: не убежал ли он? Я останавливаюсь, и пёс останавливается. Я замечаю, что у него торчат рёбра — не то чтобы он тощий, но и упитанным не назовёшь.

Над водой висит сломанная ветка. Смогу ли я сбить её? Вскидываю ружьё, но тут же спохватываюсь: а вдруг выстрел испугает собаку? Пожалуй, сегодня я стрелять не стану.

Река течёт медленно. Когда идёшь вдоль берега, кажется, что она почти не движется. Нет-нет да плеснёт хвостом рыба. Большая рыба, наверное окунь. Пёс, поджав хвост, по-прежнему трусит следом. Удивительно, как бесшумно он движется.

В конце концов я сажусь на бревно, кладу ружьё у ног и жду. Пёс на тропинке тоже садится — прямо посередине — и опускает голову на лапы.

— Иди сюда, парень, — снова зову я и хлопаю по колену.

Он тихонько виляет хвостом, но не подходит.

А может быть, это сука?

— Иди сюда, девочка! — Но собака ни с места.

Ладно, я тебя пересажу. Но через три-четыре минуты мне надоедает ждать, я встаю с бревна и снова пускаюсь в путь. Бигль за мной.

Интересно, куда придёшь, если всё время идти вдоль по берегу? Говорят, река заворачивает и возвращается назад,

а вдруг — нет? Если я вернусь домой затемно, мне здорово влетит. Поэтому я всегда дохожу до брода, где река разливается на тропинку, а потом иду назад.

Стоило мне повернуть, как пёс, заметив, что я приближаюсь, метнулся в лес. Я решил, что больше его не увижу, и обернулся, только пройдя полпути к дому. Нет, вот же он. Я останавливаюсь. И пёс останавливается. Я иду. И он идёт.

А потом я вдруг свистнул. И словно нажал на волшебную кнопку. Бигль срывается с места и мчится ко мне, быстро перебирая лапами, уши развеваются, хвост торчком, как флажок. Только я опускаю руку, он бросается лизать мои пальцы и, тихонько поскуливая, тычется мне в бок. Не может сдержать радость, будто я всё время говорил ему «нет», а теперь разрешил: «Да, можешь подойти». Это кобель. Так я и думал.

— Привет, малыш! Вот теперь ты молодчага!

Я смеюсь, а бигль носится кругами вокруг меня. Я приседаю на корточки, и он лижет мне лицо и шею. Кто научил его прибегать на свист и держаться в сторонке, пока не позвуют?

Я так занят собакой, что не замечаю, что пошёл дождь. Ну и пусть себе — мне не до него. И псу тоже. Я осматриваю место, где впервые его увидел. Неужели он тут живёт? Или в том доме у дороги? Всякий раз, когда мы проходим мимо какого-нибудь дома, я жду, что пёс остановится — может, хозяин выйдет и свистнет ему? Но никто не выходит, пёс не останавливается и по-прежнему семечит за мной, когда мы подходим к старой школе. А потом

бежит по мосту, хвост крутится как пропеллер. Бигль то и дело лижет мне руку, будто хочет убедиться, что я всё ещё тут, пасть открыта, и кажется, что он улыбается. Да он и в самом деле улыбается!

Но вот мост позади. Мы проходим мимо мельницы, и я всё-таки начинаю волноваться. Похоже, пёс намерен идти за мной до самого дома. Мне и так достанется за то, что я приду весь мокрый. Наша бабушка, мама моей мамы, умерла от воспаления лёгких, и мы никак не можем об этом забыть. А теперь я ещё и с собакой заявлюсь, хотя нам не разрешают держать дома животных.

— Если у тебя нет денег на корм и на ветеринара, ты не имеешь права заводить животных, — говорит Ма, и она, конечно, права.

Всю дорогу до дома я больше ничего не говорю биглю: надеюсь, что он рано или поздно сам отстанет и повернёт назад. Но он трусит следом.

Я подхожу к переднему крыльцу и говорю псу:

— Иди домой, парень.

И тут моё сердце сжимается: я вижу, как он перестаёт улыбаться, снова опускает хвост и поворачивает назад. Добегает до платана, ложится в мокрую траву и кладёт голову на лапы.

— Чей это пёс? — спрашивает Ма, когда я вхожу в дом.

Я пожимаю плечами:

— Просто бежал за мной, вот и всё.

— Где же он к тебе пристал? — спрашивает отец.

— В Шайло, за мостом.

— На тропинке у реки? Тогда наверняка это бигль Джада Трэверса, — говорит отец. — Слышал, что он завёл себе ещё одну охотничью собаку пару недель назад.

— Если Джад завёл себе охотничьего пса, почему не следит за ним как положено? — спрашиваю я.

— С чего ты взял, что он не следит?

— С того, как пёс себя ведёт. Он запуган до полусмерти, — отвечаю я.

Ма смотрит на меня.

— Что-то на нём никаких следов не видно, — говорит отец, глядя на собаку из окна.

Не надо оставлять следы, чтобы ранить собаку, думаю я.

— Не обращай на него внимания, и он уйдёт, — советует отец.

– Пойди переоденься, – велит Ма, – если не хочешь последовать в могилу за бабушкой Слейтер.

Я переодеваюсь, а потом сажусь перед телевизором. У нас всего два канала. Воскресным вечером – только проповедь или бейсбол. Я смотрю бейсбол, целый час. А потом украдкой подхожу к окну. Но Ма замечает это.

– Собака из Шайло всё ещё там?

Я киваю. Пёс смотрит на дом. Увидев меня в окне, он начинает вилять хвостом. Я назову его Шайло.